

А.Ш. Кадырбаев

ИВ РАН

«Мусульманские» языки и мусульманский культурный Ренессанс в Китае при Юань

Значение мусульманского фактора в империи Юань – монгольском государстве в Китае обуславливалось не только тем, что мусульмане были главными юаньскими министрами и контролировали финансы империи, но и их культурным влиянием. Интересен в этой связи вопрос о роли языков представителей мусульманского мира в государственной и культурной жизни Китая в эпоху Юань. В *Юань-ши* сообщается, что в 1263 г. были учреждены академии *Ханьлин* и *Ханьлин-гоши-юань* – государственной истории, а в 1289 г. пяти чиновникам было поручено организовать преподавание языка «истифи», на котором говорили в империи Юань мусульмане. В 1314 г. при юаньском министерстве образования было создано *Хуэй-хуэй-гоцзы-цзянь-сюэ* – Мусульманское государственное учебное заведение, куда были направлены работать чиновники, ответственные за обучение языку «истифи» [12, цз. 387, с. 1006–1067]. Причём преподавание этого языка находилось в поле зрения великого монгольского хана и императора из династии Юань Ши-цзу или Хубилай-хана, который высказал мнение, что «язык „истифи“ удобен для использования в делопроизводстве», а также рекомендовал «всем сыновьям сановников и богатых людей изучать этот язык ежедневно». Таким образом, юаньский двор учредил своеобразный исламский государственный университет в Китае в 1289 г. и преобразовал его в 1314 г. в мусульманское ведомство образования, где преподавался язык «истифи» и практиковались переводчики-мусульмане. Очевидно понятия язык «истифи» и язык мусульман идентичны. Располагалось это учебное заведение в Ханбалыке и все переводчики «истифи» отбирались на государственную службу из этого заведения [12, цз. 81, с. 978].

© Кадырбаев А.Ш., 2013

Каким он всё же был этот язык – персидский (фарси) или арабский? По мнению исследователей, «истифи», ещё называемый в китайских источниках эпохи Юань «пусуманьцзы» или «пусалманский» язык – это фарси [10, т. 1, с. 20]. Ещё в 1246 г. великий монгольский хан Гуюк вручил послу римского папы Плано Карпини послание, написанное по-монгольски уйгурским письмом с параллельными текстами по-латыни и на «сарацинском» (мусульманском) языке. Этот, так называемый «сарацинский», текст сохранился до наших дней в Ватикане и оказался текстом на персидском языке [11, с. 80].

Персидский язык – фарси был официальным, третьим по значению в государственной канцелярии империи Юань после монгольского (на уйгурской письменности) и китайского языков, продолжая традицию, сложившуюся ещё в империи Чингиз-хана и его первых наследников, где фарси был языком внешнеполитических документов, о чём свидетельствует упомянутый выше подлинник письма Гуюк-хана римскому папе и западноевропейским государям [5, с. 40, 79].

Большинство мусульман, живших в Китае при Юань, пользовались фарси, поскольку среди них преобладали представители иранских народов – таджики и персы. Следы культурного влияния фарси являются некоторые слова, заимствованные китайцами в эпоху Юань, например: *баг*, *бах* – сад; *дашимань*, *данишиманд* – мусульманский священнослужитель; *делемииши*, *деэрвиши*, *деэрмиши* – дервиш, отшельник; *намасы* – намаз, мусульманский обряд, молитва. Хотя некоторые эти термины пришли в фарси из арабского, но в китайский язык они проникли через фарси в юаньское время. Таким словом, например, является *хачжи* (*хаджи*) – паломник. В *Юань-ши*, в разделе *Тянь-вэнь* («Астрономия») приборы по астрономии носят персидские названия. В китайских источниках эпохи Юань для обозначения языков, на которых говорили мусульманская община, используются термины *хуэй-хуэй вэнь* («мусульманский язык»), *исы-тифэй-вэнь* – («язык истифи»), *пусумань-цзы* («язык пусумань»). Как свидетельствуют последние исследования, анализирующие эти термины в китайских источниках, они обозначают персидский язык. В *Юань-ши* упоминается, что «язык истифи очень удобен при проверке цифр». При этом уточняется, цифры «в истифи удобны были для всех, знающих или не знающих этот язык». Вероятно, это арабские числа, используемые в фарси. Распространение арабских цифр в Китае в это время связано с расширением сферы деятельности персидского языка в империи Юань.

В подтверждение высокого статуса языка фарси как официального, необходимо обратить внимание на так называемые пайцзы – особые знаки отличия, символы государственной власти, которыми

обладали юаньские должностные лица. Текст на этих пайцзах, удостоверяющих полномочия его обладателя, написан на трёх языках, в том числе и на фарси [17, с. 92–93].

Причинами, обусловившими более широкое распространение языка фарси по сравнению с арабским или другими, были, вероятно, преобладание среди мусульман в юаньском Китае представителей иранских, персоязычных народов – персов, таджиков, а также то обстоятельство, что ещё в домонгольскую эпоху в восточной части исламского мира – Иране, Афганистане, Индии и Средней Азии, вплоть до границ Китая – персидский стал основным культурным языком мусульман. В монгольскую эпоху значение персидского языка не уменьшилось. Фарси, наряду с монгольским на уйгурской письменности, был официальным языком монгольского государства ильханов Хулагуидов в Иране и на Ближнем Востоке, а также вместе с монгольским и тюркскими языками официальным в монгольских империях Чагатаидов в Средней Азии и Улусе Джучи-Золотой Орде, владевшей Русью, Хорезмом, Кавказом, Крымом и степными пространствами от Иртыша до Дуная. Фарси стал государственным языком Румского султаната турок-сельджуков в Малой Азии, покорённого монголами в 40-х годах XIII века, и Делийского тюркского султаната в Индии – крупнейшей мусульманской державы XIII–XVI веков, устоявшей в течение XIII и начала XIV столетий под непрерывным натиском монголов. Юаньская империя не стала исключением в этом отношении, хотя к ней применимы другие цивилизационные критерии, чем к упомянутым выше государствам.

Говорили мусульмане и на тюркских языках. Китайские источники упоминают тюрок, исповедовавших ислам, например, карлуков Садаллаха, Дашмана, Найсяня, аргына Абдуллу, канглы Османа [15, S. 168–171]. Некоторые тюркские слова проникли в китайский язык XIII–XIV веков: *бадулу* – бадур, батыр, богатырь, герой; *хала* – кара, чёрный; *кэхань* – каган, хан, правитель, император. Но всё же тюрки, одни из самых влиятельных этнических групп в Юаньской империи после монголов, в большинстве своём не были тогда мусульманами. Поэтому их языки даже условно трудно отнести к «мусульманским», во всяком случае, в Китае при Юань.

Определённое распространение в Китае при Юань имел арабский язык, свидетельством того являются надгробные камни с надписями, датированные началом XIV в. и открытые китайскими археологами. Так, в Цюаньчжоу обнаружены стелы с арабским текстом, установленные в 1300 г., в Янчжоу такие же стелы, датируемые 1307 и 1324 гг., в Фучжоу, относящиеся к 1306 и 1365 гг. Интересны найденные близ Цюаньчжоу документы на арабском языке, связанные с

продажей земли. Датируются эти земельные акты 1336–1366 годами. При раскопках дворца царевича Мангала, третьего сына Хубилай-хана, была найдена железная таблица с «магическим квадратом», записанным арабскими цифрами. находка датируется примерно 1273 г. [6, с. 44]. На китайский с арабского были переведены труды известного арабского учёного-врача из Египта Ибн-ал-Байтара. В канцелярии при юаньском дворе имелись собрания мусульманских книг на арабском и персидском языках, где был и трактат по медицине «Врачебный канон ал-Канунфи ал-Гибба» в трёх частях. С юаньских времён до наших дней сохранился составленный мусульманами труд *Хуэй-хуэй яофан* («Мусульманские лекарства») в 36 *цзюанях* на персидском и китайском языках, который предположительно составляли Ифтихар-ал-дин и Дин Хонянь, мусульмане и известные деятели юаньской науки и культуры [17, р. 86–88].

Среди знатоков фарси в юаньском Китае, кроме Ифтихар-ал-Дина, известен его сын Убайдуллах, главный юаньский министр в 1282 г. Маджи-ад-Дин (Машудин по-китайски). Ифтихар-ал-Дин перевёл с фарси на монгольский язык индийский литературный памятник «Панчатантра» [1, с. 1]. Причём Ифтихар-ад-Дин и Убайдуллах знали и арабский язык. Оба они преподавали персидский и арабский, что и принесло им известность [17, р. 89].

Среди монголов, членов правившей династии Чингизидов в Юаньской империи, также были мусульмане, знающие арабский и персидский языки, например, внук Хубилай-хана Аньси-ван («Князь-умиротворитель Запада») Ананда, одно время наследник юаньского престола. «Он учил Коран и очень хорошо пишет по-тазикски (т.е. по-таджикски, одном из диалектов фарси)» [6, т. 2, с. 206–209].

При юаньском дворе звучали и пользовались успехом мелодии и песни на фарси. Знаменитый путешественник XIV в. из Марокко, Ибн-Баттута, побывавший в юаньском Китае свидетельствует по этому поводу: «Куртай – главный эмир Сина (Китая)... Мы гостили у него три дня и затем он отправил своего сына с нами на канал... Его сопровождали музыканты и певцы, которые пели китайские, арабские и персидские песни. Певцы исполнили одну персидскую песню и по приказу сына эмира несколько раз повторили её так, чтобы я запомнил её слова. У песни удивительный ритм» [2, с. 37]. Персидский учёный Мухаммад Казвини обнаружил, что приведённые Ибн-Баттутой слова этой «газели» персидского поэта Саади Ширази, умершего в 1291 г.

В свою очередь китайские источники этого времени сообщают: «Около столетия прошло с той поры (т.е. со времени создания Монгольской империи, одной из наследниц которой была империя

Юань. – *А.К.*), и сейчас многие из них (мусульман – представителей в основном иранских народов.– *А.К.*), расселившись в разных уголках нашей страны (Китай), изучают оды, историю, трудятся над составлением посланий...» К началу XIV в. «учёные Хотана, Аравии и Самарканда... устремляются к столице [Китай] и держат экзамены перед уполномоченными на это чиновниками...» [14, с. 292].

О выходцах из Бухары, живших тогда в Китае, свидетельствует персидский летописец монгольской эпохи Рашид-ад-Дин Фазлаллах: «Некий учёный, по прозвищу Риза, из Бухары, находился при нём (Тимур-каане, императоре династии Юань, внуке и преемнике Хубилай-хана.– *А.К.*) и претендовал на знание алхимии, белой и чёрной магии» [6, т. 2, с. 193, 292]. Но выходцы из Средней Азии и Ирана не только приобщались к китайской цивилизации, они сами оказывали влияние на её развитие. Известны градостроители юаньской столицы Ханбалыка или Дайдун (Даду) на месте современного Пекина, предположительно персы Якдар (Ехэйдар по-китайски) и его сын Мухаммадшах (Махэмашао). Якдару было поручено Хубилай-ханом возглавить строителей и ремесленников из числа персов, таджиков, арабов, которым поручалось сооружение специальных шатров и строительство дворцов для монгольских владык Китая. В 1267 г. Якдар и его люди приступили к строительству новой столицы. Под его руководством была построена внешняя крепостная стена города, чтобы защитить императорский город, резиденцию великого хана и его дворцы. Когда строительство было завершено, стены императорского города отделили Хубилай-хана и его окружение от воинов и чиновников, и от горожан, чьи кварталы располагались за внешней стеной [12, цз. 125, с. 1452].

Однако наиболее весомый вклад мусульмане – таджики и персы – внесли в развитие астрономии, медицины, географии, военных технологий, кораблестроения и мореплавания. Китайские источники свидетельствуют об использовании мусульманского календаря в Китае в это время, поскольку в «календаре Сиюй (т.е. в странах к западу от Китая. – *А.К.*) пять планет описаны тщательнее, чем в Китае, и поэтому был составлен календарь Мадаба. Мадаба – название мусульманского календаря». Основываясь на этом мусульманском календаре, в «котором периоды солнечных затмений и пути движения звезд отличались от китайских», Елюй Чуцай, видный учёный и государственный деятель Монгольской империи времени Чингизхана и его первых наследников, исправил ошибки, накопившиеся в китайских календарях *Дамин-ли* и *Ивэй-юань-ли* [4, цз. 196]. Известно также, что исправлением китайского календаря уже позднее, при

дворе Хубилай-хана занимался персидский астроном Джамаль-ад-Дин. Его расчёты и таблицы использовались в системе исчисления времени в Китае с XIV в. Он предложил новый, более точный календарь, известный под китайским названием как *Ваньянь-ли* («Календарь десяти тысячелетнего исчисления»). Джамаль-ад-Дин прибыл в Китай в 1267 г. из монгольского государства ильханов Хулагуидов в Иране и на Ближнем Востоке по приглашению Хубилай-хана. По прибытии он преподнёс в качестве даров юаньскому двору солнечные часы, макеты земного и небесного глобусов. Джамаль-ад-Дин составил трактат об астрономических приборах стран, лежащих к западу от Китая, *Сиюй-исян*, о семи их разновидностях. В уже упомянутом выше разделе *Тянь-вэнь* в *Юань-ши* указываются особенности и методика использования этих приборов [9, цз. 155, с. 7а].

Около восточной крепостной стены юаньской столицы Ханбалыка персидскими астрономами была построена обсерватория. В юаньском Китае, кроме Джамаль-ад-Дина, было немало мусульманских астрономов, в основном персов, свидетельством деятельности которых является *Хуэй-хуэй синли* («Мусульманский календарь»), ставший достижением юаньской культуры. В 1260–1264 гг. монгольское правительство Китая учредило *Сиюй-синли* («Ведомство по календарям стран Западного края»). Сведения персов и арабов, по-видимому, были использованы китайцами и монголами при составлении в период Юань новых карт мира, на которых весьма точно изображались Азия и Европа. К известным юаньским учёным-географам относился таджик Шамсы, автор книги *Сиюй-туцзинь* по географии стран, лежащих к западу от Китая. Он также был одним из составителей энциклопедии юаньской эпохи *Цзинь-ши да-дянь*. Его работы на китайском языке посвящены географии Средней Азии, Ирана и арабских стран [15, S. 350–365].

Персидско-таджикское влияние сказалось и на цветовой гамме и орнаменте китайских фарфоровых изделий периода Юань.

Свою лепту внесли мусульмане в развитие юаньской астрологии. Об этом сообщает Марко Поло: «Есть в Камбалу (Ханбалыке) между христианами, сарацинами (мусульманами) и китайцами около 500 астрологов и гадателей. Ежегодно упомянутые христиане, сарацины и китайские астрологи, каждые отдельно, рассматривают по этой астрологии ход и характер каждого года, сообразно положению каждой луны» [3, р. 279–369]. В юаньское время в Китае получили распространение лекарственные препараты из Средней Азии, Ирана, арабских стран, часть из них с тех пор широко использовалась в китайской медицине и уже упоминалась. В летней столице императоров

Юань – городе Кайпине или Шанду в северном Китае, были созданы медицинские учреждения, подчинённые ведомству *Куан-хуэй-сы* («Императорские мусульманские госпитали») и первоначально укомплектованные только мусульманскими врачами и лекарями. Хубилай-хан учредил *Тай-и юань* («Императорскую академию медицины»). Монгольские великие ханы относились с большим уважением к медицине как к достойной профессии, и для этого у них были основания. По свидетельству современника монгольской эпохи Ан-Насави: «Самаркандский глазной врач (*каххал*) когда-то вылечил глаза неверного (Чингиз-хана. – *А.К.*) от офтальмии...» [7, с. 88].

Хубилай-хан, страдавший подагрой и другими болезнями, был особенно гостеприимен к врачам и находился под впечатлением лечения и лекарств, предоставляемых персидскими и среднеазиатскими врачами из его окружения. С 1268 г. при юаньском дворе было известно привозимое из Самарканда лекарство по персидским названием «шарбат» (по-китайски *шелити*), которое использовалось для обезболивания и как слабительное. В 1292 г. в обеих юаньских столицах – Ханбалыке (Дайду/Даду) и Кайпине (Шанду) были учреждены мусульманские медицинские заведения [13, т. 2, с. 400–446]. Ранее три тысячи мусульман, ремесленников из Самарканда, основали в 30-х годах XIII в. город Сымали в северном Китае и прославили его большими садами, выращенными по типу самаркандских. Китайские источники сообщают об этом городе в 1311 г. через сто лет после его основания [16, р. 279–369].

Тогда же, в период Юань, вошло в обиход традиционное наименование китайских мусульман – *хуэй* (что в переводе с китайского дословно означает «мусульманин». – *А.К.*), а среди самих *хуэй* или дунган – *ло-хуэй-хуэй* («почтенные мусульмане»). Никогда ещё, ни раньше, ни в последующие времена истории Китая мусульмане не играли такой заметной роли в государственной, научной и культурной жизни этой страны, как это было в эпоху Юань при власти монголов, что способствовало возникновению такого феномена как симбиотическая юаньская культура, неотъемлемой частью которой является и мусульманский компонент.

Свою веру мусульмане называли не *хуэй цзяо* («мусульманское учение»), как было принято в Китае официально, а *Цин-чжэнь цзяо* («Чистое подлинное учение»).

Таким образом мусульмане – выходцы из стран Центральной Азии и Персидского залива и их потомки – следовали заветам пророка Мухаммада, который, как утверждают, говорил: «За знаниями не ленитесь даже идти в Китай, так как овладение знаниями обязательно

для мусульман... Будьте учёными, или же учащимися, или же слушателями, любящими учёность. Если не будете принадлежать к перечисленным, то погибнете».

Язык фарси был важным передатчиком знаний и культурных ценностей, при посредничестве которого осуществлялись контакты, взаимопроникновение и взаимообогащение китайской, исламской и монгольской цивилизаций. Никогда ещё, ни ранее, ни в последующие времена истории Китая, мусульманские народы и их языки, особенно фарси, не играли такой заметной роли в государственной, экономической, научной и культурной жизни этой страны, как это было в эпоху Юань при власти монголов, что способствовало возникновению такого феномена как симбиозная юаньская культура, неотъемлемой частью которой является мусульманский компонент.

Литература

1. *Владимирцов Б.Я.* Панчатантра. Пг., 1924.
2. *Ибрагимов Н.* Ибн-Баттута и его путешествие по Средней Азии. М., 1988.
3. Книга Марко Поло. М., 1955.
4. *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чуцая. Перевод и исследование. М., 1965.
5. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
6. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. М.–Л., 1951.
7. *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Баку, 1972.
8. *Ся Най.* Каогусюэ хэ цзиши (Археология и история науки и техники). Пекин, 1979.
9. *Ту Ци.* Мэнуэр-шици (Исторические записки о монголах). [Б.м.], 1934.
10. *Хань Жулинь.* Совэй исытифэй вэньцзы ши шэньмэ вэньцзы? (Так называемый «истифи» – какой это язык? // *Вэнь-у*, 1981.
11. Юань-дай ши-ляо цун-кай-бэнь. Ханчжоу, 1985.
12. Юань-ши (История династии Юань). Шанхай–Пекин, 1958.
13. Юань-чао-ши (История Юаньской династии). Нанкин, 1968.
14. *Chen Yuan.* Western and Central Asians in China under the Mongols. Los Angeles, 1966.
15. *Ogel B.* Sino-Turcica. Taipei, 1964.
16. *Peilliot P.* Une ville musulmane dans la Chine du Nord sous les Mongols. Journal de Asiatique. Paris, 1927.
17. *Huang Shijian.* The Persian language in China during the Yuan dynasty // *Papers on Far Eastern history.* 34. September, Canberra, 1986.